

Номо collector, или возникновение ЦНСИ из страсти к собирательству

Исторические и социальные корни страсти к собирательству

Коллекционер, настоящий коллекционер — человек одержимый. Но если белка, собирая всевозможные вещи у себя в норке, следует своей генетической программе, то *что движет коллекционером?* Согласно психоанализу — неудовлетворенное стремление к совершенству. *Подобная страсть заслуживает уважения*, даже если безустанное подбирание предметов по некому определенному признаку может казаться стороннему наблюдателю странным.

Почти такой же веской причиной кажется компенсаторный эффект, «*приобретательский голод*» (Мюнстербергер), являющийся результатом пережитой утраты и потребности возместить потерянное. *На фоне других проявлений компенсаторного эффекта, коллекционирование совершенно безобидно.* Ведь компенсаторный эффект может проявляться в чем угодно, от отцеубийства до состояния амока. Так что если рассматривать коллекционирование как некую компенсаторную деятельность, то такая компенсация — конструктивна.

Коллекционер сносит в одно определенное место нечто рассеянное, распыленное, но обладающее одинаковыми или похожими признаками. На этом основании исследователи данного явления иногда обращаются за объяснениями к антропологии (см., напр., Assmann, 1998). Охота и собирательство, забота о выживании и накопление запасов лежат в основе антропогенеза. Несмотря на то, что в современных обществах эти виды деятельности потеряли свою прямую функцию жизнеобеспечения, само стремление заниматься охотой и собирательство все еще проявляется очень отчетливо. Иначе чем еще объяснить существование и популярность блошиного рынка или распродаж? Зачем современный человек ходит на аукционы по искусству, зачем (особенно это замечаешь в России) он ходит в лес собирать грибы и ягоды, охотиться, рыбачить? Ведь сегодня эта, некогда обеспечивавшая выживание, деятельность превратилась в самоцель.

Другие исследователи обращаются к предметам собирания, а именно — к коллекциям, и напоминают о возникновении современной на-

уки, вышедшей в начале Нового времени из кунсткамер. Гройс (1997) логично рассматривает хранение артефактов не столько в качестве наглядного представления о прошлом, сколько в качестве двигателя культурных и художественных инноваций. Его аргументация попостмодернистски сложна, но суть ее примерно такова: наглядность уже созданных человечеством предметов способствует изобретению новых; люди снова и снова создавали и изобретали бы одно и то же, если музеи и архивы постоянно не демонстрировали бы им, что уже было создано и изобретено.

Таким образом, с одной стороны, современный «homo collector» выступает как *создатель* и пользователь социальных институтов, где с целью *объективации* опыта и истории человечества собраны и выставлены на всеобщее обозрение созданные людьми предметы. С другой стороны, процессу собирания свойственна высокая степень субъективности: homo collector культивирует свою рудиментарную радость от охоты и собирательства. Возникшая под угрозой *голодной* смерти необходимость запастись продовольствием постепенно перешла во внутреннюю необходимость — собирать в одном месте много, а, по возможности — *всех представителей какой-то категории*: марки, мишки «тэдди», солонки и перчатки в виде животных, картонные подставки под пивные кружки, монеты, этикетки от бритвенных лезвий...

Властелин коллекции

Какая-то конкретная коллекция может показаться странной сторонним наблюдателям, но все же они, как правило, признают сам принцип подобного собирания. Коллекция — это не масса, не просто собранные вместе груды предметов, это нечто иное — у коллекции есть внутренняя логика, смысл. Свой смысл коллекция приобретает не *как механическая сумма своих экспонатов*, а прежде всего благодаря *подбору и классификации*. То, что раньше существовало в виде отдельных единиц и имело случайную потребительскую и эмоциональную ценность, теперь стало частью нового бытия, подчиненного определенным *правилам* и обладающего совершенно новой ценностью. Благодаря классификации, упорядочиванию, привнесению субъективного смысла homo collector'ом, разрозненные предметы превращаются в коллекцию, количество переходит в качество.

Homo collector сам *придает* смысл своей коллекции — и становится ее единоличным властелином. Он сам решает, что еще может быть присоединено к его собранию, а что к нему не относится, он конт-

ролирует его структуру, все вертикальные и горизонтальные связи. Коллекция становится частью его самого, опасность для нее становится угрозой самому коллекционеру. Мы не будем прибегать здесь к помощи психоанализа, предлагающего для объяснения подобных взаимоотношений, например, категорию анального типа личности. Нас интересуют контроль, самоконтроль и дисциплинирование охотничьей страсти. Властный аспект отношений *homo collector* со своей коллекцией — очевидны, даже если еще недостаточно изучены; так Канетти (1976) описал отношения известных коллекционеров к своим собраниям предметов редкостей и искусства в контексте отношений между массаами и властью. Не следует забывать, однако, что коллекция — это не просто масса; и мы к этому еще вернемся.

Теоретически страсть к собиранию коллекции и радость от погони за следующим экземпляром может быть полностью удовлетворена — это происходит тогда, когда из коллекции возникнет некая законченная целостность; когда все ячейки классификации заполнены. Это, однако, почти невероятная ситуация — коллекция не становится полной при жизни настоящего *homo collector*. Более того, завершение коллекции автоматически означает ее смерть. А это, как мы показали, в свою очередь, означает и «профессиональную» (или скорее онтологическую, поскольку коллекционирование — не профессия, но форма бытия) смерть *homo collector*. Поэтому коллекционеры стремятся задумывать коллекции и классификации таким образом, чтобы их завершение (во всяком случае, при жизни самого собирателя) было практически невозможно.

Коллекционирование знаний и возникновение ЦНСИ

В жизни современного человека появились новые виды потребностей, одна из которых — коллекционирование, принимающее иногда неожиданные формы. Прежде всего возникает потребность в коллекционировании новых «предметов», например — знаний. Распространяется стремление к собиранию знания (к познанию), которое становится одновременно как внешней, так и внутренней необходимостью современного человека. Но иногда накопленные знания оказываются не пригодны для какого-либо использования. Что мне даст ссылка на известного автора, если я не могу найти его книгу ни в одной библиотеке, или если она находится в отделе запрещенной литературы? Зачем мне нужен рецепт, если мне негде взять указанные в нем ингредиенты? Таким образом, как и любая коллекция, собирание знаний требует упорядочивания. Кто же обладает

властью и контролем над процессом собирания знаний, кто решает, что вообще может войти в данную коллекцию? Интернет — попытка демократизировать доступ к информации — сам на практике оказывается не всегда доступным. Кроме того, Интернет был бы довольно непрактичным без таких инструментов как поисковые программы, которые к любым ключевым словам и их комбинациям подбирают целые коллекции сведений. Но в любом случае, все эти собрания фактов бессмысленны — постольку, поскольку являются продуктом формального подбора, бесстрастного поиска, не освещенного пристрастиями собирающего субъекта.

Если мы обратимся к истории создания ЦНСИ, который, как я утверждаю, возник из страсти к собирательству и только как таковой будет существовать в дальнейшем, то мы должны прежде всего посмотреть на его основателей. Все люди, которые входили в состав ЦНСИ в первые годы, еще до того как институт «материализовался» в собственных помещениях, были в некотором роде коллекционерами. Но по ряду причин мы не будем говорить здесь о всех (даже несмотря на то, что Центр хорошо узнаваем среди других научных организаций как один из немногих демократичных институтов с четко выраженной коллективной идентичностью). Мы сконцентрируемся на одном человеке, который до сих пор представляет ЦНСИ и который в полной мере обладает всеми вышеперечисленными признаками и качествами, чтобы быть названным *Homo Collector*.

Время основания ЦНСИ совпало с распадом Советского Союза. Это государство, а лучше — это собрание государств, несомненно, можно рассматривать как проявление дикой страсти к коллекционированию. История Российской империи и затем СССР — это история присоединения, завоевания, включения в себя всех городов и весей в пределах досягаемости; история СССР — это история включения всех граждан страны в одну партию. Заметим, что эта партия была не беспорядочной массой, но упорядоченным множеством, которое было структурировано посредством новых категорий; люди вовлекались в новый порядок, создавали соответствующие коллективы; государство организовывало демонстрации (выставки людей) и партийные съезды. Государство организовывало музеи и архивы, в которые систематически собирали артефакты его истории и которые предоставлялись в распоряжение народа. Все это делалось невзирая на то, что многие чувствовали себя под его властью не слишком хорошо и снова и снова пытались вырваться из этого порядка. Вместе с тем, принцип коллекции строго соблюдался: некоторые предметы принимались в коллекцию, некото-

рые — «отбраковывались». Таким образом, вся страна представляла собой гипертрофированный пример коллекции. Даже если со стороны все происходящее выглядело несколько (или очень) странно, тем не менее, следовало жестким правилам собирательства. В этой коллекции был смысл. Советский Союз обладал своей собственной бюрократией, которая управляла и организовывала жизнь по собственным правилам и критериям; на их основе создавались новые суб-общности: новые профессии, «национальности», прослойки и прочее. К ним относили людей, которые до этого часто не имели ничего общего друг с другом, но теперь создавали новые коллективы. Советский Союз сформировал и новую науку — «научный коммунизм»: собрание знаний, которое соответствовало внутренней необходимости исторически случайно возникшего государства в установлении порядка на своей территории (таким образом, это собрание знаний было принципиально субъективным, хотя и выдавало себя за «объективное»).

Нашему Номо Collector все это очень не нравилось. Будь на месте автора психоаналитик, он, интерпретируя создание ЦНСИ как компенсацию некоторой неудовлетворенности Номо Collector происходящим, стал бы анализировать его отношения с отцом и матерью. Мы вместо этого предложили бы заняться его отношениями с государством. Мы не будем здесь вести речи о политике как механизме управления государством, даже если сам Номо Collector время от времени и подумывает о создании малого государства (кстати, прекрасной возможности, чтобы неизбежно утвердить масштабы своей страсти к коллекционированию и критерии собственной коллекции). Но поскольку основание малого государства остается для Номо Collector (пока) всего лишь мечтой, речь пойдет о науке, а не о политике (о политике — лишь в той степени, пока она устанавливает критерии научности). В условиях ограниченных возможностей по созданию собственного государства, Номо Collector реализовывает свою страсть в сфере науки. ЦНСИ, являясь постоянно растущим коллективом с собственными правилами и идентичностью, как уже было упомянуто выше, предлагает ему прекрасные возможности для удовлетворения стремления к страстному и познавательному собирательству.

Кажется не случайным, что Номо Collector во времена основания института активно интересовался общественными движениями, возникшими на закате Советского Союза. Тогда образовывались альтернативные «собирающие» движения, членов которых не удовлетворяли критерии советских коллективов. У них были другие представления о порядке и принципах классификации, и какое-то время они были

довольно успешны. Иногда это время называется «Перестройка», что обозначает взлом старого бытия и провозглашение новых принципов и новых форм. Это было великое время для всевозможных собраний на основании любых — социальных, экологических, этнических — критериев. На Homo Collector это время произвело очень сильное впечатление. С одной стороны, им руководило желание участвовать при реорганизации критериев отбора для коллекции. С другой стороны, он чувствовал глубокое недоверие к этим новым собраниям и критериям, появившимся в результате новой субъективной необходимости, а отнюдь не «объективного порядка» (даже если стоящие за этим люди утверждают обратное) — кто мог знать это лучше, чем настоящий коллекционер!?

Первоначально ЦНСИ представлял собой некое подобие «собирающего» движения — именно движения, поскольку не было ни характерной инфраструктуры, ни других атрибутов института; да и интенция создателя находилась под влиянием «эпохи движений». Поскольку в борьбе за «историческую правду» политические фигуры распадающегося СССР использовали совершенно разные фонды знаний, казалось целесообразным вообще никому не доверять. Поэтому ЦНСИ как «собирающее» движение привлекало людей, которые не хотели ни склоняться перед все еще ощущавшимся в тот момент коллективным давлением (т. е. соответствовать критериям советскости), ни следовать настойчивым предложениям войти в новые коллективы-коллекции. В этом отношении речь, конечно, шла о политике, даже если сегодня об этом иногда забывают: присвоение имени «Центр *независимых* социологических исследований» было и остается политической программой; здесь декларировано неподчинение как традициям советских исследовательских институтов, так и критериям «истины» новых «господ», будь они иностранные кредиторы или отечественные олигархи.

Но, безусловно, это был и научный проект. До сих пор (и это почти единственный случай на территории пост-советской империи) здесь работают практически исключительно качественными методами. Одна из важных причин такого выбора — недоверие к уже существующим способам собирания социологических данных. Homo Collector имеет все основания (политические, научные, методологические, прагматические) не доверять пост-советской бюрократии, стремящейся обеспечить его статистикой; вместо этого он и его сотрудники составили свое собственное собрание сведений. Когда-нибудь у нас будет огромный и прекрасный архив ЦНСИ, свидетельствующий о внутренней субъективной необходимости этого исследовательского подхода.

Несколько слов о библиотеке, которая по наличию актуальной международной исследовательской литературы богаче, чем едва ли не любая другая социологическая библиотека в городе. Конечно, она служит работе, но ее возникновение во многом обязано уже описанной выше страсти к коллекционированию. Канетти описал неистовую страсть к покупке книг следующим образом:

«Когда у меня не было денег, уже в Вене, я тратил все, чего у меня не было, на книги (...) Я никогда не учил чего-либо систематически, как другие люди, а лишь внезапными порывами. Они всегда начинались с того, что мой взгляд падал на нечто, чем я очень хотел обладать. Жест захватчика, радость от растраты денег, затем нести книгу домой или в ближайшее кафе, рассматривать и гладить листы, потом отложить ее на годы, потом совершить второе открытие, когда станет действительно нужно — все это части некоего творческого процесса, чьи скрытые детали мне не известны». (см. Roth, 2005).

Итак, Homo Collector собирает данные, книги и пр. А также личности — людей, которые хотят примкнуть к его программе собирания знания. И здесь как и всегда он чрез-мерен. Некоторым сотрудникам (да и ему самому порой...) кажется, что расширение ЦНСИ нужно как-то сдерживать, потому что именно сейчас хорошо от тепла коллектива, именно в таком составе и объеме работу коллектива можно координировать... Но Homo Collector продолжает стоять с распростертыми объятьями и приглашает зайти всех интересующихся. В общем-то, каждый, кто разделяет и одобряет цели Центра может участвовать в процессе — даже если сначала это одобрение только интуитивно. Тот же, кто остается равнодушным к этим целям, а уж тем более идет наперекор, становится Врагом. Это объясняется не столько спецификой ЦНСИ, сколько психологией коллекционера: тот, кто угрожает коллекции, угрожает самой личности собирателя. Поскольку ЦНСИ, как мы показали, это продолжение его личности, также как его дети, тот, кто выступает против ЦНСИ, выступает лично против него. Нет ничего хуже подобного предательства! А все остальное — в общем-то — и не так уж важно.

Может ли Homo Collector избежать классификации?

(Вместо заключения)

То, что невозможно в других институтах, разрешено в ЦНСИ. Его сотрудники могут обладать самыми странными привычками и наклонностями (чем экзотичнее, тем интереснее!), жить в необычных условиях или время от времени вести себя неприлично. Нет проблем.

Здесь весьма приветствовались бы марсиане, хоббиты или даже какие-нибудь разумные представители хладнокровных — впрочем, до сих пор никто из них в ЦНСИ не заглядывал. В этом — дух ЦНСИ, за которым стоит идеология отказа входить в чужие коллекции, подчиняться чужим классификациям. Иногда сам Homo Collector пытается взбодрить своих сотрудников, растормошить их, напомнить о том, для чего они все здесь собрались — чтобы бросать вызов привычным коллекциям людей и традиционным принципам их собирания. Для этого он, например, публично выдает себя за молодую негритянку — не физиогномически (это было бы невозможно), а при помощи заявлений о такой своеобразной самоидентификации. Канетти называет это «превращением», в социологической и социально-антропологической дискуссии это принято именовать «сменой перспективы». Это — никакая не сексистская фантазия, а призыв не подчиняться бюрократическим классификациям, призыв вообще избегать каких-либо классификаций, властных претензий других.

И все же исследовательская работа ЦНСИ показала, что это едва ли возможно — избежать классификаций. Недоверие Homo Collector к классическим «движениям, организованным по принципу коллекции» — религиозным, национальным, этническим — уже упоминалось. За последние 15 лет было проведено много проектов по этим проблемам, но возлагавшиеся на эту деятельность надежды — в частности, связанные с просвещением масс и сторонников традиционных классификаций, с пропагандой принципа неприсоединения и разрушения традиционных коллекций, с обличением субъективного характера таких классификаций — мало оправдались. Более того, как показывают исследования сотрудников ЦНСИ, фактически исследователь, пока он занимается изучением определенных коллекций людей и использует определенные конвенциональные категории, не столько расшатывает, сколько укрепляет принятые классификации. Прежде всего уже потому, что благодаря такому исследованию информанты, со своей стороны, вынуждены заниматься этими проблемами, оперировать этими категориями, убеждать не только исследователя, но и себя самих в значимости критериев и классификаций. Вот вам конкретный пример: чувствует ли после интервью представитель этнического меньшинства себя понятым и освобожденным, потому что он мог говорить о своей особой идентичности? Или эта идентичность формируется только потому, что он о ней говорит? Или теперь-то он, наконец, осознал свою особенную идентичность и готов стратегически использовать ее в будущем?

В этом отношении Homo Collector очень повезло (а скорее, это его заслуга) собрать вокруг себя соратников, разделяющих его недоверие в отношении государственно-бюрократических и прочих общепринятых классификаций. Поэтому во многих исследованиях речь больше не идет о вопросе, какая идентичность к чему относится; вместо этого — чтобы остаться в рамках «коллекционных исследований» — речь идет о том, по каким критериям организуются подвластные другим коллекционерам территории и какое влияние они оказывают на своих обитателей — экспонаты своих коллекций. Однако основная цель исследований, проводимых в ЦНСИ — изучить неупорядоченную массу повседневности, которая еще не подчинена порядку бюрократических категорий или сопротивляется им, понять жизненные миры, поток событий, повседневность, жизненную рутину. Это экскурсии в «провинцию человека» (Канетти), которые долгое время игнорировались как государством, так и исследователями.

В настоящее время Homo Collector расширяет свою коллекцию «ЦНСИ» и создает «филиалы». Советская империя была огромной и разнообразной, и не везде она уже исчезла. Где и как выжил Советский Человек? Как он устраивается в новых отношениях? — это вопросы, на которые в таком относительно небольшом биотопе как Санкт-Петербург фактически невозможно ответить, поэтому для решения научных задач Homo Collector нуждается в филиалах. Он нашел себе соратников повсюду в бывшем СССР: в Самаре и в Екатеринбурге, в Краснодаре и в Иркутске, в Грузии и в Украине. Тамошние исследователи и институты — это не филиалы в правовом смысле, речь идет о единомышленниках, которые находятся в поиске замены герметичной советской классификационной системы.

(Перевод Марии Кудрявцевой)

Литература

Adler, Jeremy (Hrsg.), (2005) Elias Canetti: "Aufzeichnungen für Marie-Louise", aus dem Nachlass. München

Assmann, Aleida/Gomille, Monika/Rippl, Gabriele (Hrsg.), (1998): Sammler — Bibliophile — Exzentriker. Tübingen

Grote, Andreas, (1994) Macrocosmos in Microcosmo. Die Welt in der Stube. Zur Geschichte des Sammelns 1450—1800. Berliner Schriften zur Museumskunde. Opladen

Groys, Boris, (1997) Logik der Sammlung. Am Ende des musealen Zeitalters. München/Wien

Hanuschek, Sven, (2005) Elias Canetti. Biografie. München

Münsterberger, Werner, (1995) Sammeln, eine unbändige Leidenschaft. Berlin

Roth, Gerhard, (9. 7. 2005) Zum 100. Geburtstag: Die 2000 Masken des Elias Canetti (Spectrum – internet)

Stagl, Justin, (1998) Homo Collector: Zur Anthropologie und Soziologie des Sammelns. In: Assmann u. a. (Hrsg.), S. 37–54

Post Scriptum от Олега Пащенко

ЦНСИ — уникальный проект коллекции?

Итак, Homo Collector сумел собрать вокруг себя единомышленников, разделяющих его принципиальное недоверие к общепринятым и предлагаемым государством в целях более эффективного контроля классификациям — людей, поступков, социальных групп и т. п. Большинство исследований, проводимых в ЦНСИ и наиболее высоко ценимых Homo Collector и другими сотрудниками, посвящено опровержению таких традиционных классификаций, типологий, критериев, на которых они строятся. На наш взгляд, однако, здесь присутствует определенный парадокс. Он заключается в том, что сам *ЦНСИ тоже является коллекцией*, пусть уникальной, но все же коллекцией. Это проект-коллекция одного человека — Homo Collector, и в ней действуют все правила подобных собраний: здесь есть основания для классификации, автор коллекции подбирает и «затаскивает» в ЦНСИ новых сотрудников, которые, как ему кажется, украсят собрание; он воспринимает ЦНСИ как продолжение себя, а угрозу ЦНСИ — как угрозу себе лично; есть здесь и отношения власти. Кстати, иллюзия отсутствия властных отношений в ЦНСИ возникает у посторонних именно благодаря тому, что по привычке здесь ищут *традиционные* властные отношения, характерные для учреждений, институтов и т. п. Между тем ЦНСИ — *коллекция* и здесь действуют иные формы власти, характерные для взаимоотношений коллекционера и предметов собирания. Немаловажны и отношения между самими предметами в коллекции. Не знаю, описывал ли кто-то этот тип отношений, но они, наверняка, чрезвычайно важны; особенно если коллекция собрана с любовью и входящие в нее предметы об этом знают. Так, никто не захочет добровольно делиться любовью Коллекционера... Так или иначе, для управления коллекцией нет потребности в традиционных «учрежденческих» формах власти.

Таким образом, Homo Collector и весь его коллектив попадают в парадоксальную ситуацию — будучи группой единомышленников, сделавших своей идеологией отказ от классификаций и общепринятых принципов коллекционирования людей, они сами являются разновидностью такой коллекции. Вполне постмодернистская ситуация, и сложно сказать, есть ли из нее выход.

Создание филиалов — новый проект Homo Collector. Эти новые отношения заставляют переосмыслить концепцию ЦНСИ как уникальной коллекции, собранной Homo Collector; заставляют задуматься о возможной трансформации критериев и классификаций, положенных им в основу своего собрания личностей, порассуждать о перспективах ЦНСИ и социальной науки — с точки зрения теории коллекционирования. Кроме того, новый проект Homo Collector по созданию филиалов наводит на мысль о том, что попытка объяснить его профессиональную активность одной только страстью к собирательству является своеобразной редукцией. Похоже, что этому всегда и во всем «чрезмерному» человеку не достаточно одной страсти, и в его деятельности мы с легкостью обнаружим еще одно стремление.

«Отпрыски»

Я говорю о стремление реализовать себя в чем-то осязаемом, реальном, видимом. Он известен в научных кругах тем, что настаивает на абсолютном академизме и отказе от необходимости науки работать для практических целей, для изменения практического мира. Аргументирует он это тем, что политики, чиновники — те, кто воспользуется академическими знаниями, — непременно используют их в своих целях. Эти объяснения вполне в духе Homo Collector, который отказывается от принятых способов категоризации и коллекционирования, не доверяет другим коллекционерам. Мы, однако, предполагаем, что этой его позиции есть и другое объяснение: спокойное отношение этой деятельной и прагматически ориентированной натуры к отсутствию у академического ученого ориентации на практическое воплощение собственных идей объясняется тем, что для себя он нашел достойную альтернативу такому стремлению. Каждая более-менее амбициозная личность стремится найти способ реализовать себя объективно, или, если хотите, интересубъективно — т. е. сделать свое присутствие в этом мире фактом, очевидным для других, фактом, который нельзя не признать. Наш герой, активно работающий на поприще академической науки, нашел свой способ удовлетворить эту потребность. Его профессиональная активность

реализуется не в эфемерных, неизвестно где опубликованных научных текстах, которые, возможно, никто никогда не прочитает; и не в выступлениях на конференциях, которые якобы состоялись и о которых знают только два десятка их участников — и то и другое, безусловно, не подходящий масштаб для амбиций нашего героя. Он реализует себя, воплощаясь в других людях. Что может быть более зримым и реальным воплощением социальной активности, что может быть более явным доказательством того, что человек живет и действует, как не произведенные им на свет — как в физическом (трое детей), так и в метафорическом смысле слова — другие люди, которых каждый может увидеть, услышать, потрогать, спросить; в реальности которых никому не придет в голову сомневаться. И в каждом из этих людей воплотил себя ОН. Это его способ, и, кстати, именно потому, что ему под силу создать значительно больше идейных отпрысков, чем биологических, он упорно не желает признавать ценность биологического родства, утверждает, что отношения родства — безусловный социальный конструкт, а сконструированное духовное, интеллектуальное родство — куда важнее биологического.

Итак, какой лучшей практической самореализации может желать человек и ученый, создающий других людей и реализующий себя в них!? Это его проект — альтернативный созданию маленького государства — он создает не политический субъект (он для этого слишком прагматичен) — он создает население своего государства, производит людей, которые его конституируют. Все граждане этого «государства» — его отпрыски. Что может быть более реально, прагматично и амбициозно!? И в то же время — идеалистично... В этом смысле так и напрашивается сравнение нашего героя с персонажем романа Милана Кундера «Вальс на прощание» — гинекологом доктором Шкретой. Предоставим слово ему: *«... человечество плодит невероятное количество идиотов. Чем глупее индивид, тем сильнее у него желание размножаться. Полноценные личности производят на свет не более одного ребенка, а лучшие из них, вроде тебя, приходят к решению вообще не плодиться. Это катастрофа. А я постоянно мечтаю о мире, в котором человек родился бы не в чужом мире, а в среде своих братьев. <...> Дома человек чувствует себя только среди своих. А поскольку ты сказал, что уезжаешь, я решил сделать тебя участником моего проекта. У меня есть для тебя пробирка. Ты будешь где-то на чужбине, а здесь будут рожаться твои дети, и спустя десять, двадцать лет ты увидишь, какая это будет замечательная страна»* (Милан Кундера, «Вальс на прощание»).

Безусловно, автор такого грандиозного проекта, реализовавший себя как человек и как ученый посредством других людей, может позволить себе в остальном предаваться абстрактному академизму, утверждать примат чистого знания и отказаться от ориентации на практическое внедрение результатов научных проектов, оставив эти смешные и эфирные потуги по трансформации реальности другим. Но что делать этим «другим» — бесценным предметам его коллекции, его духовным и идейным отпрыскам? Как им реализовать себя в реальной жизни, когда они тоже амбициозны и стремятся к самореализации? Для многих из них самый верный способ убедиться в факте своего существования и его осмысленности — увидеть свой вклад в трансформацию окружающей реальности, осуществить практические изменения в мире вокруг себя. При этом производство, воспитание, социализацию биологических детей ОН не признает в качестве заслуги, а производить интеллектуальных отпрысков под силу далеко не всем; остается воспроизводить себя в научных текстах, публикациях, сугубо академических проектах и в докладах на конференциях... Но такой способ самореализации, воплощения себя многим представляется недостаточным. Хорошо, по крайней мере, что его позиция в вопросах воспитания — чрезмерно либеральна и допускает для любого отпрыска возможность пошалить и послушаться «родителя».